
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.432

АССОЦИАТИВНО-СМЫСЛОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ОТКЛИКОВ НА СЛОВЕСНЫЕ СТИМУЛЫ СЕКУЛЯРНОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ

**Акопов Гарник Владимирович
Ихсанова Светлана Геннадьевна
Рулина Татьяна Константиновна**

Работа выполнена в рамках государственного заказа на исследование «Социальная психология религиозного (конфессионального), этно-национального, правового и регуляционно-управленческого сознания в современной России», заявка № 1028, код темы по рубрикации ГРНТИ 15.41.00

Статья посвящена проблеме религиозного сознания в современной России. Религиозное сознание понимается как аппарат категорий, отражающих систему религиозных и церковных традиций. Для его изучения используется ассоциативный эксперимент, который дает возможность выявить смысловые связи между изучаемыми категориями и на их основе построить семантические поля.

В исследовании использована классическая схема ассоциативного эксперимента, основанного на предъявлении заранее отобранных слов-стимулов, вызывающих вербальную реакцию испытуемых. Тематическое содержание стимульного ряда позволило получить вербальные отклики, выражающие семантическое и эмоциональное отношение участников исследования к таким понятиям, как «вера», «милосердие», «созерцание», «деяние» и др. Такая стимуляция затронула глубинные пласты национального сознания россиян.

Эмпирическая часть работы представляет собой два фрагмента масштабного исследования сознания, выполняемого на факультете психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. В одном показаны ассоциативные структуры религиозного сознания пожилых сельских жителей с глубокими религиозными корнями. В другом – семантические поля понятий «созерцание», «деяние», «общение», полученные на выборке студентов. Сравнительный анализ результатов позволяет прийти к непротиворечивым выводам о механизмах изменения семантических полей. Одним из таких

механизмов является гиперсобытие – значимый факт действительности, оказывающий влияние на осознание связанных с ним категорий.

В статье поднят вопрос о взаимопроникновении феноменов религиозного сознания и созерцания. Полученные результаты, а также их качественный и количественный анализ свидетельствуют о том, что сознание современного человека не связывает непосредственно религиозные категории и феноменологические категории созерцания. Этот факт говорит о внерелигиозном характере созерцания и позволяет рассматривать категорию созерцания как самостоятельную научную единицу.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, семантическое пространство, рецептивный эксперимент, религиозное сознание, созерцание, секуляризация, гиперсобытие.

Идеологическая униполярзация мира последних десятилетий, а также многообразные эффекты современной глобализации [1] существенно обострили проблему экстремизма и радикализма в сферах этнокультурных и конфессиональных отношений. В этом контексте необычайно повысилась чувствительность соответствующих групп населения к релевантным языковым, образно-знаковым и символическим обозначениям, – будь то карикатуры исламского содержания или неосторожные высказывания некоторых представителей Церкви.

Как отмечает Г. М. Андреева, язык является не только инструментом коммуникации, но и важнейшим средством социального познания и конструирования социального мира [3]. Роль языка, как в отражении мира, так и в его порождении сближает методологические позиции социального конструкционизма и отечественной психологии: «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, – пишет А. Р. Лурия, – заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта... Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами. Таким образом, слово – это особая форма отражения действительности. Человек может произвольно называть эти образы независимо от их реального наличия... может произвольно управлять этим вторым миром» [7].

Аффективно-когнитивные состояния непримиримости, нетерпимости, негативизма, вербальной и иной агрессии, как известно, весьма синкретичны и не поддаются сознательной рациональной регуляции. Поэтому обращение к возможностям СМИ, основанным на закономерностях функционирования

языкового сознания [5, 6, 8, 11], представляется недостаточным. Важен также учет предсознательных механизмов восприятия, оценки и понимания субъектом тех или иных лингвистических объектов и соответствующих дискурсов.

Ассоциативные методы вошли в экспериментальную психологию в конце XIX в. Термин «ассоциативный эксперимент» утвердился в психологии для обозначения одного из видов проективного метода изучения мотивации личности, использовавшегося в начале XX в. одновременно К. Г. Юнгом, М. Вертгеймером и Д. Кляйном. Метод вызова ответных ассоциаций в психологии известен со времен В. Вундта и Ф. Гальтона, однако именно К. Г. Юнгу принадлежат открытие и доказательство феномена, лежащего в основе всех проективных методик, а именно возможности посредством косвенного воздействия на значимые области переживания и поведения человека выявлять заметные флуктуации в результатах деятельности. К. Г. Юнг показал таким образом, что бессознательные переживания личности доступны объективной диагностике.

В собственно юнгианском толковании ассоциативный эксперимент понимается как метод выявления комплексов с помощью измерения времени реакции и интерпретации ответов на задаваемые экспериментатором слова-раздражители. К признакам комплексов относятся замедленное время реакции и субъективно своеобразное качество ответов, возникающих тогда, когда слова-раздражители затрагивают комплексы, которые испытуемый желает утаить, или которые им не осознаются.

Разнообразные варианты ассоциативного теста применялись для выявления чувства вины (детекторы лжи М. Вертгеймера и А. Р. Лурия), асоциальных вытесненных влечений (Дж. Брунер, Р. Лазарус, Л. Постмен, Ч. Эриксен и др.), для отграничения психической нормы от патологии (Г. Кент и А. Розанов). Тесты незаконченных предложений и рассказов также нередко считают ведущими свое происхождение от ассоциативного теста К. Г. Юнга. Ассоциативный эксперимент был усовершенствован впоследствии А. Р. Лурия, который установил, что словесный опыт, если он сопровождается также двигательными реакциями, значительно расширяет возможности распознавания аффективных реакций испытуемого.

В настоящее время ассоциативный эксперимент широко применяется как в психологии, так и в смежных науках. В социальной психологии ассоциативный эксперимент применяется для определения уровня сплоченности групп, выявления в них лидера, а также для определения индивидуальных различий в имплицитном знании («имплицитный ассоциативный тест» [12]). Ассоциативный эксперимент используется в психолингвистике для исследования субъективных семантических полей, а также характера семантических связей между словами внутри семантического поля.

Процедура ассоциативного эксперимента может в значительной степени варьироваться в зависимости от задач и теоретического подхода исследования, но в общих чертах состоит в следующем: испытуемому предъявляют слово или набор слов и предлагают ответить первыми приходящими в голову словами. На данный момент разработано несколько основных вариантов ассоциативного эксперимента: «свободный» ассоциативный эксперимент, при котором испытуемому не дается никаких ограничений на словесные реакции; «направленный» ассоциативный эксперимент, когда испытуемому предлагается назвать только слова определенного грамматического класса (например, подобрать прилагательные к существительным); «цепочный» ассоциативный эксперимент, при котором испытуемому необходимо реагировать на слово-стимул сразу несколькими словесными ассоциациями (например, назвать в течение 20 секунд 10 различных слов или словосочетаний).

В исследовательских целях ассоциативный эксперимент может проводиться с большим количеством испытуемых, и на основе данных ими ассоциаций составляется таблица частотного распределения слов-реакций на каждое слово-стимул. Мерой семантической близости пары слов считается степень совпадения распределения ответов, т. е. степень сходства объектов анализа устанавливается через сходство данных на них ассоциаций.

Одним из вариантов анализа результатов ассоциативного эксперимента является выявление ассоциативного поля. Ассоциативные поля представляют собой типы полей, исследуемые в рамках психолингвистики, для которых характерно объединение вокруг слова-стимула определенных групп слов-ассоциатов. В ассоциативных полях слова, близкие по значению, объединяются в группы. Каждое ассоциативное поле имеет ядро и периферию. Ядро ассоциативного поля содержит наиболее значимые, многократно повторяющиеся ассоциаты. Менее частотные реакции относятся к периферийной зоне поля.

Ассоциативное поле слова раскрывает все многообразие смысловых возможностей слова и отражает знания информантов о языковых свойствах слов-стимулов и особенностях их реализации в речевой практике. Кроме того, значительную часть ассоциативного поля слова представляют реакции, в которых содержится информация экстралингвистического характера и проявляется творческая активность респондента, в сознании которого актуализируются различные тематические, ситуативные или культурно обусловленные представления об обозначаемых стимулами явлениях.

В когнитивных исследованиях используется также рецептивный эксперимент, под которым понимается экспериментальное исследование знания (понимания) значения языковой единицы носителями языка [9]. Близок к рецептивной методике экспериментальный прием, в рамках которого испытуемому предлагается закончить фразу, построенную по схеме «А – это В»,

например: «вера – это...», «церковь – это...». Данный прием представляет собой разновидность направленного ассоциативного эксперимента и позволяет получить информацию о восприятии и понимании фиксированного слова, категории или концепта.

В данном исследовании ассоциативные реакции на ряд специально подобранных словесных стимулов изучались в двух принципиально разных (по критерию вовлеченности в «глобализационное» пространство) социальных группах – студентов и сельских жителей. Сельскую выборку составили постоянно живущие в отдаленной от большого города местности лица среднего и пожилого возрастов, разных уровня образования и рода деятельности. Стимульный набор слов для последовательно проводимого рецептивного эксперимента включал следующие: человек (наиболее привычно употребляемое слово), милосердие (редко встречаемое в повседневной речи), нужда, вера (часть выборки составили староверы), благо, церковь (незадолго до исследования в селе было принято решение о строительстве церкви), обряд. Порядок слов случайным образом варьировался.

Наибольшее количество рецептивных откликов (17) получено на слово «церковь», причем вся совокупность ответов может быть разделена на три категории:

1. Определяющие – Бог, вера, религия, храм, дом Божий, дом, место очищения.
2. Внешне-атрибутивные – батюшка, поп, купол, крест, икона, свеча.
3. Субъективно-атрибутивные – душа, совесть, молитва, достояние народа.

Следующее по численности откликов (15) стимульное слово «обряд» близко по смысловому содержанию и структуре первому («церковь»), что, видимо, связано с произошедшим сельским «гиперсобытием» (10) – решением о строительстве церкви. Собственно определяющими рецептивными откликами к словесному стимулу «обряд» стали такие слова, как «ритуал», «обычай», «традиции», «праздник», «действие», «правила», «соблюдение». К группе атрибутируемых откликов мы отнесли слова «таинство», «посвящение», «крещение», «жертвоприношение», «колдовство», «свадьба», а также субъективно-атрибутивные – «вера» и «молитва».

В среднюю по численной представленности рецептивных откликов двойку словесных стимулов попали «благо» (14) и «человек» (13). В обоих случаях так же выявлена триадная структура определяющих, объектно и субъективно атрибутирующих откликов: благо (благополучие, добро, радость, счастье – здоровье, достаток, польза, комфорт, деньги – народ, дети, помощь); человек (существо, личность, люди, творец – родители, дети, семья, родственники, друг – жизнь, радость, мыслитель, разумный).

В группу с относительно малой численностью ассоциативных откликов попали слова «нужда» (10), «милосердие» (10) и «вера» (9). Для этих трех понятий, менее представленных в актуальном сознании сельчан в сравнении с описанными выше, выявляется то же структурное единообразие: нужда (потребность, необходимость, недостаток, отсутствие – бедствие, нищета, голод, болезнь – еда, деньги); милосердие (гуманность, добро, доброта, помощь – жалость, сочувствие, сострадание, сердечность, любовь – церковь, милостыня); вера (Бог, святыня, религия – мир, имя – уверенность, доверие, надежда, любовь).

Отметим тематическую «переключку» рецептивных и ассоциативных откликов в связи с доминантным по событийной актуальности и частотности словом-стимулом (гиперстимулом) «церковь». Вместе с тем непосредственно связанное с ним по смыслу стимульное слово «вера» вызвало минимальное в сравнении с другими количество откликов, структурная группировка которых также весьма показательна. Если в структурах рецептивных откликов на словесные стимулы «церковь» и «вера» определяющие отклики очень близки (Бог, религия и др.), то в составах субъективных атрибуций обнаруживается существенная разница: для гиперстимула «церковь» это такие отклики, как «душа», «совесть», «молитва»; для семантически связанного с ним словесного стимула «вера» – отклики иного смыслового ряда (уверенность, доверие, надежда, любовь). Таким образом, можно заключить, что в актуальном сознании исследуемой группы (отчасти в «предсознании» или в языковом бессознательном) слова «церковь» и «вера» занимают несовпадающие территории ассоциативных полей, бифурцируя от религиозной к секулярной семантике.

В рамках единого языкового пространства представляет интерес проверка выявленных тенденций на контрастной по месту проживания и роду занятий выборке и, соответственно, с иным стимульным материалом, связанным отчасти с религиозной тематикой, но непосредственно – с определенным гиперсобытием также локального масштаба. В серии экспериментов участвовали студенты–филологи выпускного курса факультета иностранных языков. В связи с тем, что на базе вуза прошла всероссийская конференция по проблеме созерцания, в минимальный перечень слов-стимулов были включены слова «созерцание», «деяние» и «общение». «Деяние» как архаичная форма слова «действие» было избрано для сближения соответствующих форм этих слов. Вполне нейтральным в этом контексте является третий словесный стимул – «общение», непосредственно связанный с профессиональной направленностью обучения студентов. Дополнительно в другой группе исследовалась специфика рецептивных откликов студентов, профессионально овладевающих английским языком, на английские эквиваленты выбранных словесных стимулов – *contemplation, deed, communication*.

Полученные ответы позволили выявить специфику восприятия, понимания и определения испытуемыми исследуемых пар словесных стимулов. Специфика межязыкового плана вызвана влиянием английской литературы, которую учащиеся усвоили на занятиях по лингвострановедению и лингвокультурологии страны изучаемого языка, по теории межкультурной коммуникации, а также на практических занятиях по английскому языку. В результате, усвоив английские слова, они осмыслили их в соответствии с аутентичными особенностями их семантики, т. е. несколько иначе, чем их русские эквиваленты. Это отразилось на толкованиях, представленных в откликах испытуемых.

В определениях слова «contemplation» заметна неразрывная связь внешнего наблюдения и внутреннего осмысления, что характерно и для русского слова «созерцание», но в ответах на английском языке отсутствует эстетическое понимание созерцания, отмеченное в ответах на русском языке. Кроме того, положительная эмоциональная окраска созерцания отмечена многими испытуемыми, давшими ответы на русском языке; но из всех испытуемых, отвечавших на английском языке, лишь один указал на удовольствие, получаемое от созерцания. В английских толкованиях акцент сделан на рациональном, интеллектуальном аспекте созерцания, а в русских – на эмоционально-духовном. Стимульное слово «созерцание», претендующее, на наш взгляд, на особый статус (гиперстимул) в связи с достаточно широко освещавшейся в вузе конференцией по соответствующим тематике, не вызвало в откликах студентов релевантных смысловых отражений помимо означенных выше.

В определениях слова «deed» большинством студентов отмечены «значительность», «благотворность», «героизм» деяния (черта, которая встречается только в одном ответе на русском языке). В целом, в ответах на английском языке деяние оценено положительно, а в русских ответах оно охарактеризовано нейтрально. Следует также отметить, что на ответы испытуемых повлияло второе значение слова deed – «юридически оформленное соглашение по поводу собственности или прав», – которого нет у русского слова «деяние». Во всех определениях не встречается ни одного значения, связанного с религиозной тематикой, как и для гиперстимула «созерцание».

При процентном равенстве рецептивных ответов на однозначные стимулы русского и английского языков, структуры (объединенные по смыслу группы ответов) ассоциативных полей оказались существенно различающимися. Для слова «общение» – это четыре типа дефиниций с использованием респондентами в качестве исходных таких определяющих категорий, как «обмен» или «передача» (информации, знания), «взаимодействие», «разговор» («беседа», «диалог») и «коммуникация». Последняя категория наиболее частотна.

Ассоциативное поле концепта «communication» у студентов аналогичного профиля (английский язык) содержит вдвое больше структурных составляющих; три из них, за исключением коммуникативного определения, совпадают с русскоязычным спектром. Пять других дефиниций в англоязычном спектре можно, в свою очередь, разделить на три подгруппы, а именно определения через категории: 1) речи (устной или письменной), рассказывания (друг другу новостей); 2) единения (или связи между людьми), пересылки сообщений (современные средства связи); 3) средств транспорта и связи между регионами.

В толкованиях слова «communication», в отличие от русского «общение», прослеживается второе значение этого английского слова – «транспортная связь». Оно имеется и у русского слова «сообщение» (ср. Министерство путей сообщения), но в русском языке оно устарело и сохранилось лишь в составе некоторых клише; вероятно, поэтому в ответах русских студентов оно не фигурирует.

Результаты, полученные в исследовании с участием студенческих групп, позволяют заключить, что в процессе лингвистического образования формируется языковое сознание и, отчасти, бессознательное, соответствующее национальной ментальности носителей осваиваемого языка [12]. В контексте же всего нашего исследования в целом важно отметить, что общий вид деятельности (изучение иностранного языка), так же, как и общее место проживания в предыдущей части эксперимента, в значительной мере нивелирует индивидуальные различия в сфере имплицитного знания.

Обобщенный анализ двух экспериментальных серий, на первый взгляд лишь косвенно связанных между собой, позволяет, тем не менее, получить непротиворечивые и взаимодополняющие выводы. Прежде всего, обе серии указывают на наличие объективных факторов, приводящих к формированию имплицитного группового знания, – в нашем исследовании это территория проживания и вид деятельности. Именно это знание проявляется в структуре и содержании ассоциативных полей, которые таким образом выполняют функцию групповой интеграции.

Второе значительное наблюдение касается того факта, что любое гиперсобытие, как бы оно ни интерпретировалось на индивидуальном уровне, вызывает сходные процессы активизации семантических полей у всех членов группы, так или иначе причастных к этому событию. Можно заметить, что слово, наиболее точно отражающее смысл гиперсобытия, становится гиперстимулом и занимает «ядерную» позицию в центре ассоциативно-семантического поля.

И, наконец, стоит обратить особое внимание на обнаруженный в ходе исследования факт, связанный со сравнительным анализом результатов,

полученных в двух экспериментальных сериях, а именно: семантическое поле религиозного сознания сельских жителей не пересекается с семантической триадой «созерцание-деяние-общение» горожан студенческого возраста. Такой результат можно объяснить лишь тем, что феномен созерцания не принадлежит религиозному сознанию, а имеет более универсальный характер и базовую психическую природу.

Литература

1. *Акопов Г. В.* Глобализация и самоопределение личности в современном обществе / Профессиональное и личностное самоопределение молодежи современной России: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Отв. ред. А. В. Капцов. – Самара, 2013. – С. 3–8.
2. *Акопов Г. В., Савицкий В. М., Шейнин И. Р.* Лингво-психологическое исследование ассоциативных полей концептов «созерцание», «деяние» и «общение» / Современные концепции научных исследований: сборник научных работ V международной научно-практической конференции, № 5, ч. 4. – М., 2014. – С. 136–139.
3. *Андреева Г. М.* Социальная психология сегодня: поиски и размышления. – М., 2009.
4. *Караулов Ю. Н.* Ассоциативная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИЯ РАН, 1999. – С. 17.
5. *Кубрякова Е. С.* Язык и сознание. Роль языка в познании мира. – М., 2004.
6. *Леонтьев А. А.* Языковое сознание и образ мира / Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 16–21.
7. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – С. 37.
8. *Марковина И. Ю., Данилова Е. В.* Специфика языкового сознания русских и американцев: опыт построения «ассоциативного гештальта» текстов оригинала и перевода / Языковое сознание и образы мира. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 119.
9. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика // URL: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/>
10. *Шкуратов В. А.* Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира. – Ростов н/Д: Наррадигма, 2006. – 400 с.
11. Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999.
12. *Greenwald A. G., McGhee D. E., Schwartz J. L. K.* Measuring Individual Differences in Implicit Cognition: The Implicit Association Test // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – Vol. 74. – no. 6. – pp. 1464–1480.